

Научная статья. Исторические науки

УДК 94(94)

DOI: 10.31696/2072-8271-2022-2-2-55-291-306

АВСТРАЛИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: 1930-1937 ГГ.

Евгения Владимировна КАШИНА¹

¹ Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, altera.pars1331@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0466-0615>

Аннотация: В статье рассматривается развитие отношений между Австралийским Союзом и Китайской республикой в период с 1930 по 1937 гг. Анализируется изменение миграционной и экономической политики в отношении Китая. Раскрываются взгляды австралийской общественности на японскую экспансию в Китае с 1931 г., а также позиция официальной власти по настоящему вопросу. Углубление международных противоречий в 1930-е гг. и ослабление внешнеполитической зависимости Австралии от бывшей метрополии оказывали прямое воздействие на австралийско-китайские отношения.

Ключевые слова: внешняя политика Австралийского Союза; Китайская Республика; Великобритания; Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР); Маньчжурский кризис; торговое представительство; «Восточная миссия»

Для цитирования: *Кашина Е.В.* Австралийско-китайские отношения: 1930-1937 гг. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2022, Том 2, № 2 (55). С. 291–306. DOI: 10.31696/2072-8271-2022-2-2-55-291-306

Original article. Historical science

AUSTRALIA–CHINA RELATIONS: 1930-1937

Evgenia V. KASHINA¹

¹ Pacific National University, Khabarovsk, Russia, altera.pars1331@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0466-0615>

Abstract: The article is devoted to the development of relations between the Australian Union and China in the period from 1930 to 1937. The author analyzes changes in migration and economic policy towards China and explores the views of the Australian public on the Japanese expansion in China since 1931, as well as the position of the official authorities on this issue are revealed. The growth of international contradictions in the 30s of the XX century and the degree of independence in making

Australian foreign policy from the former metropolis could affect Australian-Chinese relations.

Keywords: foreign policy of the Australian Union; Republic of China; Great Britain; Asia-Pacific region; Manchurian crisis; trade representation; the Australian eastern mission

For citation: Kashina E.V. Australia–China Relations: 1930–1937. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2022, T. 2, № 2 (55). Pp. 291–306. DOI: 10.31696/2072-8271-2022-2-2-55-291-306

История внешнеполитических связей Австралии подробно исследована в целом ряде отечественных и зарубежных публикаций, которые позволяют представить общую картину ее развития в XX в.¹. Однако, до настоящего времени в российской историографии слабо разработана история отдельных направлений австралийской внешней политики, в том числе и австралийско-китайское взаимодействие. Усиление роли Китайской Народной Республики в современной системе международных отношений вызывает необходимость более тщательного изучения истории взаимоотношения Австралии и Китая, поскольку Южно-Тихоокеанский регион в XXI в. становится зоной, вызывающей повышенное внимание КНР.

В 1930-е гг. под влиянием обострения международной обстановки в АТР, вызванного осуществлением экспансионистской политики Японии, в австралийском обществе формируется осознание необходимости выработки Австралией собственной внешнеполитической концепции, способной обеспечить стране безопасность.

Торговые отношения между Австралией и Китаем стали бурно развиваться еще с середины XIX в., однако налаживание официальных дипломатических связей между двумя странами происходит гораздо позже.

В первой четверти XX в. в Китае происходят масштабные социально-политические трансформации, связанные с крушением империи Цин в ходе Синьхайской революции и последующим распадом страны, который сопровождался обострением национально-освободительной и классовой борьбы. Борьба между китайскими милитаристами и Гоминьданом, между Гоминьданом и КПК в 1920–1930-е гг., которая сопровождалась вмешательством мировых держав во внутренние дела Китая, оценивалась австралийским общественным мнением неоднозначно. Усугубила ситуацию японская оккупация Маньчжурии и формирование марионеточного государства Маньчжоу-Го, что дало

австралийцам повод сомневаться в действенности тех механизмов поддержания мира, которые отстаивала Лига Наций. В австралийском обществе нарастает скепсис в отношении эффективности британского внешнеполитического и оборонного планирования.

В 1931 г. японские войска оккупировали Манчжурию, а в январе 1932 г. начались бои за Шанхай. В результате Маньчжурского кризиса стало очевидно, что намерения Японии объективно угрожают региональному порядку в АТР. Озабоченное этой ситуацией австралийское правительство встало перед необходимостью решения проблем, связанных с обеспечением безопасности государства. С одной стороны, оно поддержало британскую политику умиротворения, направленную на недопущение конфронтации с Японией и сохранение региональной стабильности в АТР. В то же время было заявлено о необходимости развития комплекса мероприятий по укреплению национальной обороны. Интересы Лондона и Канберры сходились в желании избежать санкций в отношении Японии, но вступили в противоречие, когда Великобритания поддержала Лигу Наций в политике непризнания Маньчжоу-Го². Для Австралии это означало потерю всякой надежды на стабилизацию англо-японских отношений, а значит и утрату уверенности в собственной безопасности, поскольку Великобритания традиционно выступала гарантом защиты Австралийского Союза. Австралийское правительство озаботилось вопросом обеспечения национальной безопасности, поскольку обострение британо-японских отношений ставило под угрозу позиции Австралии и фактически в случае войны оставляло ее беззащитной перед Японией.

После Первой мировой войны британский флот на Тихом океане обладал гораздо меньшей мощностью, чем военно-морские силы Японии. К 1932 г. тихоокеанский флот Великобритании состоял из 6 крейсеров, 10 эсминцев, 1 авианосца и 13 подводных лодок. Флот Японии был существенно больше, имея в своем составе 10 линкоров, 3 авианосца, 8 новых тяжёлых крейсеров, 19 легких крейсеров, 110 эсминцев и 67 подводных лодок³. В феврале 1933 г. военное министерство Великобритании недвусмысленно заявило о недостаточном оснащении военно-морской базы в Сингапуре. Среди британских штабных офицеров говорили, что в случае объявления Японией войны, британским кораблям повезет, если они успеют «скрыться в синеве»⁴.

В декабре 1931 г. в Австралии завершились выборы в федеральный парламент, в ходе которых победила партия Объединенной Австралии (UAP). Возглавивший правительство, премьер Джозеф Лайонс (вышедший из Лейбористской партии и основавший UAP), под-

нимает проблему безопасности Австралии. Прекрасно сознавая слабость позиций британского флота в АТР, австралийские власти формируют внешнеполитический курс, выразившийся не только в отказе поддерживать или вводить экономические санкции против Японии, но и в объявлении протеста против военного давления на нее. Отсюда и нерешительность австралийских властей в отношении статуса Манчжоу-Го. Они пытались избежать любых действий по отказу признать прояпонское государство. В ходе дебатов в Ассамблее Лиги Наций С. Брюс (главный представитель МИД Австралии в Лондоне) полностью поддержал министра иностранных дел Великобритании Джона Саймона в его попытке избежать конфликта с Японией и убедить Лигу Наций воздержаться от применения санкций. Он также призывал к умеренности и примирению двух стран⁵. Вместе с тем, после консультаций с Лондоном по вопросу оборонных расходов, в Австралии начинается модернизация береговых линий и военных объектов на севере в Порт-Дарвине, то есть очевидно увеличиваются расходы на оборону⁶. Такая «странная» политика стала отражением глубокого осознания австралийцами своего уязвимого положения в Тихом океане без должной гарантии военной поддержки со стороны бывшей метрополии и растущей угрозы нападения Японии. Перебои с выделением средств на оборону еще больше склоняли политиков к нейтралитету в Маньчжурском кризисе и к проявлению дружественных жестов в сторону Токио.

В 1931 г. Китай предложил купить боеприпасы и винтовки у государственного завода в г. Литгоу. Министерство труда отклонило данный запрос, но желание восстановить завод после Великой депрессии ускорило начало новых переговоров. Уже через год правительство готово было заключить договор на поставку избыточного или устаревшего оборудования с завода Литгоу. Введение британского эмбарго на продажу оружия Китаю с февраля 1933 г. поставило точку в переговорах. Министерство обороны Австралии получило выговор от британских властей и премьер-министра Австралии Дж. Лайонса за уже совершенную продажу списанного оружия некоему торговцу, который сбывал его в Китае. В качестве правительственной меры была введена должность помощника премьер-министра для усиления контроля за Министерством обороны и за Департаментом внешних связей⁷.

Нельзя не отметить, что были и попытки помощи Китаю. Лига Объединенных Наций¹ вела переговоры по китайскому вопросу, а ее секретарь от Нового Южного Уэльса Раймонд Уотт критиковал недооценку японской армии и убедил отделения LNU в штатах создать фонд помощи Китаю. Общество китайских резидентов в Австралии при поддержке Гонконга организовало в 1932 г. ежегодный лекторий, посвященный проблемам культуры Китая. На конференции 1935 г., организованной филиалом института международных отношений в Квинсленде, профессор Мельбурн подчеркнул значение Китая для Австралии, обосновав необходимость назначения торговых представителей в Китай и развитие двухсторонней образовательной программе⁸. В апреле 1937 г. институт выпустил первый номер «Австралийско-Азиатского вестника».

С решительным осуждением японской агрессии в Китай и с предложениями об оказании ему помощи выступила Коммунистическая партия Австралии как через свои газеты, так и через общественные организации, в т.ч. «Движение против войны и фашизма»². В частности, центральный печатный орган КПА «Workers Weekly» в статьях, посвященных Китаю, призывал к активной помощи китайскому населению, видя угрозу Китаю не только от японских милитаристов, но и от экономической экспансии европейских стран. В номере от 18 сентября 1931 г. содержался призыв к участию в сиднейской демонстрации, запланированной на 4 октября. Коммунисты открыто осуждали попустительство Британии по отношению к японской агрессии. В газете приводится критика позиции английской газеты «Новости Северного Китая» (Шанхай), которая обосновывала необходимость британо-японского союза на основе общих задач в борьбе с распространением коммунизма⁹. Стоит отметить, что до 1939 г. австралийские коммунисты придерживались антивоенных взглядов, но в отличие от других общественных сил, стоявших позициях сохранения мира, они исходили не из абстрактных пацифистских лозунгов, а из неприятия империалистической войны. Например, в статье от 31 мар-

¹ Организация, созданная в октябре 1918 г. в Соединенном Королевстве в целях содействия международному правосудию, коллективной безопасности и мира между народами на основе принципов Лиги Наций. Отделения LNU были созданы в доминионах и в союзных странах, в том числе в столицах всех штатов Австралии.

² Движение против войны и фашизма (MAWF) было основано в Австралии в 1933 г. как отделение Всемирного движения против войны, созданного в 1932 г. Коминтерном. Международное движение было инициировано Вильгельмом Мюнценбергом, деятелем немецкого Коминтерна, основателем Всемирного общества помощи жертвам германского фашизма. Австралийское движение стремилось привлечь «попутчиков» и пацифистов и было относительно независимым от международной организации.

та 1933 г. газета «WorkersWeekly» призывает к участию в Антивоенной конференции, а также рассказывает о мартовском антивоенном митинге в Квинсленде¹⁰.

Обращает на себя внимание деятельность австралийского корреспондента «The China Mail» Уильяма Генри Дональда. Он имел тесные связи с лидерами китайского национально-революционного движения. В 1931 г. он отправился в Маньчжурию и занял должность советника Чжан Сюэяна при миссии Литтона³. Несмотря на критику гоминьдановских властей, уличенных в коррупции, Дональд принял участие в делах управления города Ханькоу, реализовывая программу создания «честного правительства эффективного развития». Впоследствии он вошёл в близкое окружение Чан Кайши и пытался убедить его в необходимости заключения временного союза с коммунистами для объединения усилий в борьбе с японской агрессией, т.е. являлся проводником позиции Чжан Сюэяна, правильность которой¹¹ им убедительно доказана Чан Кайши в ходе Сианьского инцидента¹¹.

Очевидно, что антивоенные позиции австралийской власти основывались на иных принципах, чем антивоенные взгляды левого движения. В отношении назревающего конфликта в АТР Австралия взяла курс на «умиротворение» Японии. В целях проведения этой политики, а также для укрепления экономических связей, с 17 марта по 14 июня 1934 г. действовала «Восточная миссия», которую возглавил министр иностранных дел Дж. Латам. Миссия за несколько месяцев посетила Ост-Индию, Малайю, французский Индокитай, Гонконг, Китай, Японию и Филиппины. В Китае Восточная миссия находилась 12 дней и Латам общался в основном с британской и австралийской общинами. Он резюмировал, что основная масса людей живут в нищете, а их жизнь и собственность не находятся в безопасности: «Китайцы могут писать мудрые книги и излагать верные принципы. Но они не кажутся экспертами в реальных задачах управления страной»¹². В одном из своих выступлений в Кантоне Латам упрекнул главу провинции за неподобающее обращение с англичанами. В другой речи снисходительно благодарил китайцев за ремонт зданий и дорог¹³. В Япо-

³ Миссия из пяти человек во главе с британским политиком графом Литтоном, исследовавшая Маньчжурский инцидент. Организована по инициативе Лиги Наций. Комиссия объявила о своих выводах в октябре 1932 г. В ней говорилось, что Япония была агрессором, незаконно вторглась в Маньчжурию и что она должна быть возвращена китайцам. Литтон утверждал, что японское марионеточное государство Маньчжоу-Го не должно быть признано, и рекомендовал оставить Маньчжурскую автономию под китайским суверенитетом. Генеральная Ассамблея Лиги Наций приняла отчет, и Япония вышла из Лиги.

нии торжественно приветствовали австралийских дипломатов. Была организована аудиенция с императором и премьер-министром, а позже проведена длительная беседа с министром иностранных дел Хирота. Генконсул Китая в Сиднее критиковал Латама в предвзятости: «Вы проводили свое время и общались в Китае в основном с европейцами. Перед китайцами Вы лишь провели несколько лекций. В Японии, однако, все было наоборот»¹⁴. Латам был консерватором, лояльным к Британской империи, поддерживающим политику «белой» Австралии и критикующим леворадикальные движения. По возвращении он написал: «Общепризнано даже самыми преданными сторонниками Китайской Республики, что условия жизни китайцев сейчас более несчастны и безнадежны, чем в последние дни Империи. Полагаю, что нужно разработать политику по предотвращению усугубления положения в Поднебесной». Очевидно, что такое отношение к Китаю усиливалось еще и страхом перед коммунизмом в австралийском обществе¹⁵. В связи с этим, Латам продолжал настаивать на проведении Великобританией и другими мировыми державами более жесткой политики по урегулированию ситуации в Китае. Япония же была примером государства, которое перенимало западные модели управления при поддержке сильного стабильного правительства. Возможно данные обстоятельства и повлияли на суждения Дж. Латама. Фредерик Катлак, военный историк, не отрицает, что на Латама могли повлиять взгляды путешествующего с ним журналиста из «Sydney Morning Herald». После окончания миссии в этом издании было опубликовано 13 статей с откровенно прояпонской позицией. Утверждалось, что «Лига Наций допустила серьезные ошибки в обращении с Японией. Китай никогда не был единой страной и Манчжурия никогда не подчинялась Китаю. Япония имела все основания реагировать агрессивно после того, как в Китае начались забастовки и погромы»¹⁶. Подобные заявления вызвали большой резонанс в обществе. Генеральный консул Китая, а также представительство Лиги Наций в Австралии обратились с протестом к австралийскому правительству против «антикитайской пропаганды». Жалобы поступили даже от британского представительства в Пекине. В свою очередь, «Sydney Daily Telegraph» опубликовала серию мрачных статей о китайской бедности и наркомании. Правительство Лайонса вмешалось в ситуацию и потребовало опубликовать примирительную статью. Сам премьер-министр негативно отзывался о позиции Латама и некоторых журналистов.

Другие периодические печатные издания были более критично настроены в отношении японской внешней политики. Уже с 1933 г.

«Sydney Daily Telegraph» начала говорить о неизбежности войны с Японией. Уверенное развитие китайско-австралийских отношений не изменило Дж. Латама. Профессор Мельбурн обратился к нему в письме, предостерегая от ошибочной недооценки значения Китая во внешней политике и торговли¹⁷.

В 1935 г. Латам стал инициатором введения должности «почетного президента» японо-австралийского общества. Интересно, что в уставе общества был запрет на обсуждение международной политики. Латам объяснил необходимость новой должности укреплением взаимопонимания и дружбы между японским и австралийским народом¹⁸. Полемика и деятельность Латама, а также бестактный выбор им прояпонского представителя в качестве торгового эmissара в Китай, были отражением глубокого страха австралийских властей перед растущей напряженностью в АТР и желанием избежать конфликта с Токио. Ситуацию усугубляла экономическая заинтересованность Австралии в экспорте своих товаров, который осуществлялся и в Китай, и в Японию, а значит, находился под угрозой в зависимости от складывания политической ситуации. Настороженность в отношении Китая была обусловлена низким уровнем знаний по истории и культуре этой страны, длительными периодами политической нестабильности в Китае, а также страхом перед ростом коммунистического движения.

В июле 1935 г. генеральный консул Китая в Австралии В.П. Чен обратился с жалобой к австралийскому правительству по поводу клеветы в адрес деятельности Чан Кайши и Ван Цзинь Вэя в газете «Новости китайского мира», угрожая подать иск от имени китайского правительства. В течение месяца он выступил с обвинениями в адрес газеты «Tung Wah Times» по той же причине. Обе газеты обвинялись в распространении антикитайской пропаганды и разжигании вражды, хотя в статьях рассматривался вполне актуальный вопрос – ошибался ли Чан Кайши, направив все внимание на борьбу с коммунистами, вместо того, чтобы объединить политические силы на борьбу с Японией?¹⁹ На жалобу консула Министерство иностранных дел ответило официальным предупреждением в сторону издания «China's world news». Скандал получил продолжение, поскольку газета «China Times» опубликовала разоблачение «фальсификаций и слухов», на что «China's world news» и «Tung Wah Times» пригрозили судебным иском. А в апреле 1936 г. эти же издания публикуют статью, где китайское руководство было упомянуто в «оскорбительном» тоне²⁰. Консул снова обратился в Министерство иностранных дел. Канберра принимала сторону консульства в данном конфликте, не желая вступать в

конфронтацию с действующим китайским правительством. К лету 1937 г. конфликт был преодолен. Интересно, что совладелец газеты «Sydney Morning Herald» Виктор Чоу высказал мнение, что именно Япония, а не национальное правительство Китая, является самым авторитетным режимом для китайского народа. Он сделал вывод, что решающая борьба в Китае пойдет между Японией и коммунистами²¹.

Стоит отметить, что «Восточную миссию» Дж. Латама необходимо рассматривать не только как способ снизить политическую напряженность в отношениях с Японией, но и как попытку сохранить и расширить торговые отношения со странами Азии. После Маньчжурского инцидента правительство Австралии было весьма обеспокоено возможными рисками обвала торговли с Китаем и Японией. Сообщалось, что японские предприниматели приступили к расширению производства маньчжурской шерсти для экспорта в Японию, что, в свою очередь, позволяло сократить их расходы по закупке на австралийских аукционах²². Очевидно, что японская экспансия в Маньчжурии наносила ущерб австралийскому экспорту шерсти, лишая австралийских производителей крупного рынка сбыта как в Японии, так и в Китае. Это обстоятельство способствовало росту антияпонских настроений в австралийском обществе²³. В стремлении сократить риски обвала торговли с Китаем, в 1930-е гг. появляется идея строительства австралийской фабрики по производству шерстяных изделий в Поднебесной. Ассоциация скотоводов в Новом Южном Уэльсе в 1930 году настояла на том, чтобы правительство Австралии профинансировало эту идею²⁴. Австралийские газеты на китайском языке высоко оценили это предложение, призвав китайских мигрантов рассмотреть возможность инвестирования²⁵. Переработка шерсти была более капиталоемкой, чем производство тканей и одежды, поэтому в Китае ощущалась потребность в иностранном капитале. Очевидно, что австралийские инвестиции могли помочь китайским производителям в патриотическом проекте импортозамещения полуобработанной шерсти из Японии и Великобритании. Но, как сообщается в газете «Workers' Weekly» от 18 сентября 1931 г., выдвинутый Австралийским объединением скотоводов проект по созданию производственных предприятий в Китае для содействия потреблению австралийской шерсти был отвергнут правительством. Там же резюмируется, что китайский рынок значительно сократился, особенно в связи с усилением японского влияния²⁶.

Реагируя на планы Японии в отношении Маньчжурии и на последствия мирового экономического кризиса 1929 г., правительства

Китая и Австралии начали переговоры о свободной торговле в 1931–1932 гг. Это привело бы к снижению или отмене тарифов на некоторые виды китайского экспорта в Австралию, в первую очередь на продовольственные товары. Австралийский экспорт в Китай, включая шерсть, также выигрывал от соглашения. Переговоры вскоре были прерваны Канберрой, поскольку льготный режим для ее экспорта в Китай противоречил многосторонним соглашениям, заключенным в Британской империи²⁷. Таким образом, влияние Великобритании в торговле между Австралией и Китаем оставалось значительным.

Серьезным препятствием для развития австралийско-китайских торговых отношений являлось миграционное законодательство, в основу которого были положены принципы политики «белой Австралии». В конце 1920-х гг. со стороны китайского консульства и общественных лидеров усилилась критика австралийских миграционных законов. Ослабление политики «белой» Австралии в 1920-е гг. и расширение прав австралийских китайцев способствовали росту гражданской активности китайской диаспоры. Представители австралийского отделения Гоминьдана приняли участие в III Национальной конференции Китайской Республики, которая состоялась в марте 1928 г. Они получили поддержку со стороны Гоминьдана, который высказался за устранение дискриминационных мер в отношении китайского населения Австралии. В мае 1929 г. генеральный консул Китайской Республики в Австралии Фартсан Т. Сунг направил правительству Австралийского Союза официальное обращение, в котором изложил предложения по изменению миграционного закона 1901 г.²⁸. Этот документ вызвал активные дебаты в австралийском парламенте, в результате чего все предложения были отклонены. Не встретив понимания у австралийских властей и не добившись изменений в законодательстве, Фартсан Т. Сунг изменил тактику. Он стал составлять официальные жалобы на обращение таможенных служб с китайскими мигрантами, направлять властям жалобы на неправомерные действия полиции и судов в отношении австралийских китайцев. Изложенные факты нашли подтверждение в ходе проверок, организованных официальными органами. Летом 1930 г. китайский консул направил австралийским властям протест на неуважительное отношение к китайскому флагу в Дарвине, который был опубликован в газете «Sydney Morning Herald». Это встретило непонимание австралийской стороны и вызвало конфликт²⁹. Фартсан Т. Сунг неоднократно заявлял, что север Австралии слишком жаркий для австралийцев, но отлично подходит для китайского населения, которое привыкло к таким климатиче-

ским условиям. Поэтому лучшим решением, на его взгляд, будет разрешение китайцам свободного въезда на эту территорию, что позволит кардинально изменить облик этой территории за 10 лет благодаря масштабному строительству и осуществлению крупных инфраструктурных проектов³⁰. В результате непосредственной работы с органами исполнительной власти Австралии китайские консулы добились льгот для австралийских китайцев, трудовых мигрантов, туристов, студентов из Китая, а также доказали необходимость упрощения формальных процедур для въезжающих в страну китайских мигрантов.

Серьезной проблемой австралийско-китайских отношений была незащищенность китайских предпринимателей, развивавших свой бизнес в Австралии. Если китайский бизнесмен покидал Австралию, чтобы увидеться с родственниками или для заключения торговых сделок, то по истечении определенного срока отсутствия его бизнес лишался лицензии, либо передавался конкуренту преимущественно из представителей «белых» австралийцев. Благодаря активизации деятельности китайского консульского корпуса по защите китайских граждан, эта проблема постепенно уходит в прошлое, но по-прежнему болезненным оставался вопрос о получении гражданства. В феврале 1929 г. был принят закон о гражданстве, который подтвердил правило, по которому приезжие китайцы оставались под юрисдикцией Китайской Республики даже в случае их длительного проживания в Австралии. В случае, если китайское гражданство было утрачено, человек не мог обратиться за защитой к австралийским властям. Фактически, такой китаец стоял перед угрозой «двойного исключения», т.е. полной потери гражданства. Только известным личностям можно было путешествовать по Австралии с китайским паспортом, поскольку для китайских мигрантов действовали ограничения на перемещения по стране. Большинство китайцев имели лишь сертификаты, выданные австралийской миграционной службой с сопутствующими проверками отпечатков и налоговыми сборами. Лу Панг, известный торговец и житель Мельбурна, говорил, что китайцам без австралийского паспорта будет отказано во въезде во многие страны Британского Содружества, а во время войны с ними будут обращаться как с иностранцами. Он настаивал на идее натурализации китайцев, постоянно проживавших на территории Австралии³¹.

Учитывая ухудшающиеся отношения с Японией, развитие китайско-австралийских экономических связей могло бы подтолкнуть к смягчению политики «белой Австралии» и уменьшить расовую дискриминацию китайцев. Например, в Мельбурне насчитывалось почти

50 фирм, которые были созданы за рубежом или имели зарубежные офисы, расположенные в АТР, в том числе и в Китае. В 1933 г. министерство торговли организовало конференцию по проблемам и перспективам дальневосточной торговли. В дискуссиях приняли участие представители правительства Австралии и федеральных штатов, торговых палат и производственных предприятий, судоходных компаний, а также представители генеральных консульств Китая и Японии. Генеральный консул д-р Чэнь выступил с резкой критикой дисбаланса в торговле и ограниченных торговых возможностей китайцев в Австралии. Главным итогом конференции стало признание необходимости торгового представительства и направление официальных рекомендаций правительствам штатов об учреждении комитетов по восточной торговле с дальнейшим направлением торговых представителей в Азию³². А в 1933 г. был принят федеральный Акт о торговом представительстве с четко прописанным механизмом назначений. После принятия Акта, в Китай был назначен представитель японского бизнеса в Шанхае Вивиан Боуден³³. С одной стороны, это вызвало возмущение китайских торговцев, а с другой, Боуден и его сотрудники были отлично знакомы с торговым рынком Китая и стремились увеличить австралийский экспорт в Поднебесную, особенно поставки шерсти, масла и кожи³⁴. Торговое представительство способствовало некоторому ухудшению отношений между Австралией и Японией. В газете «Shenbao» это было описано как «торговая война» между Австралией и Японией. Растущая независимость Австралии от Великобритании и более тесное военное сотрудничество с США также с энтузиазмом обсуждались китайскими журналистами в Шанхае, которые видели в этом позитивные для Китая явления³⁵.

Австралийский экспорт на китайские рынки значительно уступал экспорту в Японию. Большая доля вывоза приходилась на пшеницу. Продажи достигли пика в 1932–1933 гг., когда Австралия стала пятым по величине поставщиком пшеницы в Китай. С 1934 г. объемы экспорта снова сократились с 6,2% до 0,8%. Предположительно это было вызвано дальнейшей дестабилизацией положения в Китае. По мере развития гражданского противостояния и расширения японской агрессии, он снова становится ненадежным и неустойчивым рынком сбыта. Импорт же снизился до 0,5%³⁶. Китай в перспективе мог предоставить Австралии обширные рынки сбыта, но мировой экономический кризис и политическая дестабилизация замедлили темпы роста экономического сотрудничества. В начале 1930-х гг. в деловых кругах все чаще обсуждается вопрос торговли с Китаем. В октябре 1931 г.

Квинслендский университет принимает решение направить сотрудника, профессора Э. Мельбурна в Японию и Китай для изучения возможностей расширения торговли. По истечении четырехмесячной поездки по Японии и Китаю, профессор написал отчет для университета, который позже был рассмотрен федеральным правительством и парламентом. Был дан подробный анализ тех особенностей китайского рынка, которые могли быть полезны для экономики Австралии. Мельбурн мягко намекал на негативные последствия зависимости Австралии от бывшей метрополии. Он детально рассказал о возможной структуре, размещении, расстановке австралийско-китайского рынка, в частности, подготовил целый раздел по совместной банковской деятельности, об особенностях сотрудничества с китайскими партнерами для поддержки торговых поставок и качества австралийской экспортной продукции. Он указал на необходимость независимого торгового представительства в Китае, а также на стимулирование потребления китайской продукции, однако поощрять импорт он советовал в целях «жеста доброй воли для роста продаж австралийской продукции»³⁷.

Э. Мельбурн предлагал прибегнуть к целому ряду мероприятий, которые могли бы способствовать развитию австралийско-китайской торговли:

- смягчить тарифы и снизить ставку на грузоперевозку;
- придерживаться более гостеприимного обращения с китайскими студентами, торговцами и туристами в Австралии;
- упростить процедуру въезда правил въезда китайцев в страну;
- организовать взаимный обмен студентами, стажерами и ввести курсы китайского языка во всех высших учебных заведениях;
- ввести обмен стандартами качества поставляемых товаров и их взаимное регулирование;
- с помощью китайских кули освоить северные земли Австралии для «создания благоприятных условий ради дальнейшего заселения этих краев европейцами». Однако, профессор считал, то после выполнения этой задачи китайцы должны были вернуться на родину³⁸.

Стоит отметить, что взгляды Э. Мельбурна во многом совпадали с позицией, которую занимал Гомиьндан и официальные представители Китайской Республики в Австралии. Э. Мельбурн отразил в своем исследовании позиции австралийской национальной буржуазии, заинтересованной в расширении рынка сбыта промышленной и сельскохозяйственной продукции в Китае, а также в дешевой китайской рабочей силе, наличие которой, в том числе, сдерживало бы развитие австралийского рабочего движения. Однако, подобные взгляды не находили

поддержки у правящих кругов Австралии, которые опасались, что развитие австралийско-китайского сотрудничества повлечет за собой ухудшение отношений с Японией и ослабит безопасность Австралии.

Таким образом, в 1930–1937 гг. происходит раскол в общественном мнении Австралии по отношению к японской военной экспансии в Китае. Внешнеполитический курс Австралии формировался под влиянием взглядов политического истеблишмента, который придерживался по преимуществу консервативных позиций во внешней политике и опасался роста японского милитаризма, но был заинтересован в сохранении и развитии торгово-экономических отношений с Японией. Опасаясь возможной военной экспансии Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Австралия встала на путь умиротворения Токио, начиная от крайней нерешительности в отношении статуса Маньчжоу-Го заканчивая дружескими жестами в сторону японского правительства. В то же время на внешнюю политику Австралии оказывали не только связи с бывшей метрополией, но и инерция внешнеполитического мышления, что выражалось в традиционной оглядке на политический курс Великобритании.

Вместе с тем, в обществе нарастало беспокойство в связи с очевидной неспособностью бывшей метрополии обеспечить безопасность Австралии в случае угрозы новой войны. Это привело к осознанию потребности оформления собственного, национально ориентированного внешнеполитического курса, который учитывал бы интересы торгово-промышленных кругов, заинтересованных в развитии отношений с Китаем и защите австралийских рынков сбыта от конкуренции со стороны Японии, которая реализовывала экономические интересы своей правящей элиты не только посредством дипломатии, но и силой оружия. В этот период в австралийском обществе складывается позиция, требующая от Австралии отказ от политики умиротворения Японии и поддержки Китая, на развитие торгово-экономических отношений с которым делает ставку австралийская национальная буржуазия и представители либерального общественного лагеря. Более активной поддержки Китая требовали и австралийские общественные силы левого политического спектра, среди которых наиболее авторитетной являлась Компартия Австралии. Однако они исходили из принципа пролетарского интернационализма и борьбы с экономическим закабалением Китая иностранными державами, а также против эксплуатации китайских наемных рабочих в самой Австралии, что отличало позицию коммунистов от позиции либерального лагеря.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евгения Владимировна КАШИНА, старший преподаватель, факультет Востоковедения и истории, Центр изучения международных отношений АТР, Педагогический институт Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия

Статья поступила в редакцию 07.06.2022;
одобрена после рецензирования 14.06.2022;
принята к публикации 27.06.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgenia V. KASHINA, Senior Lecturer, Faculty of Oriental Studies and History, Center for the Study of International Relations of the Asia-Pacific Region, Pacific National University, Khabarovsk, Russia

The article was submitted 07.06.2022;
approved 14.06.2022;
accepted to publication 27.06.2022.

¹ Лебедев, И.А. Внешняя политика Австралии (1939 - 1974)/ И. А. Лебедев ; АН СССР, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. - Москва: Наука, 1975. - 295 с.; Мартынов, А.И. Австралия в международных отношениях XX века. - Москва: Мысль, 1978. - 349 с.; Millar, T. B. Australia in peace and war: external relations 1788-1977.-New York: St. Martin's Press, 1978, 578 p.; Clark, C. Australian foreign policy: towards a reassessment.-North Melbourne, Vic.: Cassell Australia, 1973, 274 p.; Edwards, P. G. Prime ministers and diplomats: the making of Australian foreign policy, 1901-1949.-Melbourne: Oxford University Press, in association with the Australian Institute of International Affairs, 1983, 240 p.; Gyngell, A., Wesley M. Making Australian foreign policy.-Port Melbourne: Cambridge University Press, 2003, 289 p.; Watt, Alan. The Evolution of Australian Foreign Policy 1938-1965.- London: Cambridge UP, 1967, 387 p.

² Andrews E.M. Australia and China.-Carlton: Melbourne university press, 1985.P. 64-66.

³ Thorne C. The Limits of Foreign Policy: The West, The League and The Far Eastern Crisis of 1931-1933.- Putnam: New York, 1973. P.66.

⁴ The National Archives, Kew, Richmond. Cabinet Conclusion 3. Naval Construction for 1933. 15 February 1933. P. 139-142.

⁵ См.: Andrews E. Op.cit. P. 65.

⁶ Bird D.S. J. A. Lyons, The Tame Tasmanian: Appeasement and Rearmament in Australia, 1932-39. - Australian Scholarly Publishing, 2008. P. 31.

⁷ Andrews E.M. The Great Temptation: The Australian Government and The Sale of Arms to China during The Manchurian Crisis, 1931-33// AustralianJournalofpoliticsandhistory.-Vol.23, 1977. P. 346-359.

⁸ Chen W.P. The objects of the foundation of the Lectureship and a review of Dr. Morrison's life in China.- Canberra, 1932. URL: <https://openresearch.repository.anu.edu.au/bitstream/1885/145812/2/Morrison%20Oration%2001.pdf>

⁹ The Workers' Weekly. Sydney, NSW: 1923 - 1939, 18 Sept. 1931, P. 4 URL: <https://trove.nla.gov.au/newspaper/article/209418354/22658287>

¹⁰ The Workers' Weekly. Sydney, NSW : 1923 - 1939. 31 March 1933, P. 3 URL: <https://trove.nla.gov.au/newspaper/article/209421996/22658594>

¹¹ Selle E.A. Donald of China.- Sydney: Invincible Press, 1948, P.268-338.

¹² J. G. Latham, 'Australian Eastern Mission: Report, House of Representatives, Debates, 6 July 1934, P. 329.

¹³ National Archives of Australia: A981, Far East 5, pt.9: Cable from the British Consul-General in Canton. 12 June 1974.

¹⁴ См.: Andrews E. Op.cit. P. 67.

¹⁵ Megaw R. The Australian Goodwill Mission to The East in 1934: its significance in the evolution of Australian foreign policy.- Royal Australian Historical society, Journal. Vol.59, 1973, P. 255.

¹⁶ Cutlack F.M. The Manchurian Arena: An Australian view of The Far Eastern Conflict.-Angus & Robertson: Syney, 1934, P. 72.

¹⁷ См.: Andrews E. Op.cit. P. 68-69.

- ¹⁸ Sir John Latham Papers, National Library of Australia, series 61, folder 5. URL: <https://nla.gov.au/nla.obj-323428403/findingaid>
- ¹⁹ См.: Ferrall C. Op.cit. P. 63.
- ²⁰ National Archives of Australia: A455/1, 232/4/18, corres., Consul-General Chen to P.M.'s Department, 23 August 1935, Investigation Reports, December 1935.
- ²¹ Sydney Morning Herald, 23 November 1935, White China, 11 January 1935, The secret history of the Chinese revolution (pamphlet).
- ²² Sydney Morning Herald, 31 August 1933, 10; or Age (Melbourne), 1 September 1933.
- ²³ Shenbao, 12 August 1932.
- ²⁴ Sydney Morning Herald, 4 March 1930.
- ²⁵ Gibson P. Ville S. Australian Wool and Chinese Industrialization, 1901–1941 // Twentieth-Century China. Johns Hopkins University Press. Volume 44, Number 3, October 2019. P. 26. URL: <https://ro.uow.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=5025&context=lhapapers>
- ²⁶ The Workers' Weekly// Sydney, NSW: 1923 – 1939, 18 Sept. 1931. URL: <https://trove.nla.gov.au/newspaper/article/209418341/22658287>
- ²⁷ См.: Gibson P. Op.cit. P. 22.
- ²⁸ National Archives of Australia: A443/1, 46/2/4658, 15 August 1929.
- ²⁹ Sydney Morning Herald, 1 Jan.1932 or Melbourne's Herald, 18 April 1931.
- ³⁰ Ferrall C., Millar P., Smith K. East by South: China in the Australasian Imagination.- Victoria University Press, 2005. P. 59-61.
- ³¹ См.: Ferrall C. Op.cit. P. 64-65.
- ³² Commonwealth Acts. Vol.31, 1933, P. 368-371.
- ³³ См.: Gibson P. Op.cit. P. 20.
- ³⁴ Schedvin B. Emissaries of trade: a history of the Australian Trade Commissioner Service / author, Boris Schedvin. Barton, A.C.T.: Dept. of Foreign Affairs and Trade, 2008. P. 72.
- ³⁵ Shenbao, 28 April 1936; 25 May 1936; 1 June 1936; 27 June 1936; 29 December 1936, or Shenbao, 1 June 1936.
- ³⁶ Willis S.H. The formation of Australian Attitudes Towards China 1918-1941.- University of NSW, 1974, P.382-390.
- ³⁷ Melbourne A.C.V. Report of Australian intercourse with Japan and China submitted to the Senate of the University of Queensland. Frederick Phillips: Brisbane, 1932. P. 34.
- ³⁸ Melbourne A.C.V. Report of Australian intercourse with Japan and China submitted to the Senate of the University of Queensland.- Frederick Phillips:Brisbane, 1932. P.83.